

УДК 94(4).85=161.1(045)»65»(4-015)

Пенская Т.М.**ЦЕНА РЕФОРМ...**

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с оценкой реформ Петра Великого в исторической перспективе. Автор статьи, исходя из того, что петровские реформы были предопределены ходом русской истории в предыдущие десятилетия, приходит к выводу, что из двух вариантов проведения необходимых реформ царь-преобразователь выбрал далеко не самый оптимальный. Придав развитию мощный толчок в ее экономическом развитии, Петр, как показывает исследование, наоборот, затормозил, а то и вовсе остановил политическое и социальное развитие как государства, так и общества в целом. В итоге цена реформ оказалась слишком высока и спустя два столетия привела к трем русским революциям и необходимости очередного скачка, сопряженного с немалыми жертвами и утратами.

Ключевые слова: Петр Великий; модернизация; реформы; вестернизация; цена реформ.

УДК 94(4).85=161.1(045)»65»(4-015)

*Tatyana M. Penskaya***THE COST OF REFORMS...**

Penskaya Tatiana Mikhailovna, *PhD in Historical Sciences, Associated Professor*
Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The article examines the issues associated with the assessment of Peter the Great's reforms in a historical perspective. The author proceeds from the fact that Peter's reforms were predetermined by the entire course of Russian history in the past decades. She comes to the conclusion that from the two types of reforms, the tsar chose the least optimal one. Having given a powerful impetus to its economic development, Peter, on the contrary, slowed down and stopped political and social development of the state and society as a whole. As a result the cost of the reforms was too high. Therefore two centuries later it led to three Russian revolutions and the need for the next leap, coupled with the considerable loss.

Key words: Peter the Great; modernization; reforms; westernization; the price of the reforms.

Титаническая фигура Петра I по праву считается одной из ключевых в отечественной истории. Безжалостной рукой «подняв Россию на дыбы», он провел серию радикальных преобразований едва ли не всех сторон жизни русского общества. «Нынешняя Россия, то есть Россия европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная есть произведение Петра Великого. Какое бы явление в сих сферах жизни не стали мы рассматривать, о каком бы учреждении не стали бы мы рассуждать, все подобные исследования доводятся непременно до Петра Великого, у которого в руках концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся мы с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко не ушли в прошлое» [21, с. 335]. В этих словах русского историка М.Н. Погодина, как в капле воды, отражено восприятие личности Петра в российском общественном мнении, господствовавшее (и продолжающее господствовать) на протяжении веков.

Но так ли уж однозначна должна быть оценка деятельности императора-реформатора? Не секрет, что в России над этим стали задумываться еще при его жизни, и далеко не все разделяли восторженное отношение к его деяниям. И мнение князя Я.Ф. Долгорукого, ответствовавшего на вопрос царя-преобразователя о том, кто больше сделал для России, Петр или его отец, следующим образом: «Три главные дела у царей: первое – внутренняя расправа и правосудие; это ваше главное дело. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о том не было, и потому в этом отец твой больше тебя сделал <...>. Другое дело – военное. Этим делом отец твой много хвалы заслужил и великую пользу государству принес, устройством регулярных войск тебе путь показал; но после него неразумные люди все его начинания расстроили, так что ты почти все вновь начинал и в лучшее состояние привел. Однако, хоть и много я

о том думал, но еще не знаю, кому из вас в этом деле предпочтение отдать <...>. Третье дело – устройство флота, внешние союзы, отношения к иностранным государствам. В этом ты гораздо больше пользы государству принес и себе чести заслужил, нежели твой отец», – было еще самым мягким [26, с. 87–88]. Были и другие, более жесткие и нелюбимые – и тогда (те же старообрядцы сравнивали Петра с предтечей Антихриста), и потом (к примеру, известные слова И.Л. Солоневича о «первом большевике»). Одним словом, сегодня, при сохранении прежней, в большей или меньшей степени восторженной, панегирической оценки деяний Петра Великого (а величия его никто не отрицает – ни его сторонники, ни его противники), имеется и другая точка зрения, и если попытаться свести воедино обвинения в адрес Петра, то можно выразить общее мнение критиков следующим образом – деяния Петра, и в особенности последствия его реформ, стали одной из причин последующих проблем российской истории.

Почему? Попробуем дать ответ на этот вопрос. Главная цель Петра – создать сильное, могущественное государство, не уступающее ведущим европейским государствам своего времени. Эта тенденция наметилась еще при Иване Грозном, когда он поворачивал генеральное направление русской внешней политики на Запад, но особенное развитие получает в послесмутное время, при первых Романовых. Отечественный историк А.Б. Каменский, анализируя главную цель их политики, указывал, что Россия стремилась стать великой державой (не на словах: как мы себя именовали, это наше дело, а вот признавали ли нас в таком качестве соседи, те же поляки и литовцы – это совсем другой вопрос – Т. П.). «В условиях того времени стать “великой державой” значило обладать экономическим и военным потенциалом, позволяющим играть ведущую роль в мировой политике и вести активную наступательную внешнюю политику, столь же агрессивную и экспансионистскую, как у других крупных европейских держав...» [9, с. 48].

Какими обладал средствами Петр для конечной реализации этого замысла? Ответ на этот вопрос будет прост – самыми недостаточными. В то время Россия отнюдь не яв-

лялась самым населенным государством ни Европы, ни ее ближайшей периферии. По численности населения ее превосходили и Турция, и Франция, и Империя, немногим уступала ей Испания. Так, по приблизительным расчетам, с конца XV до сер. XVI вв. территория Российского государства увеличилась в 6 раз (до 2,5 млн. км²), а к концу столетия – еще вдвое (до примерно, по разным оценкам, 4,3–5,4 км²). На этой территории, превышавшей по площади Францию примерно в 9–10 раз, проживало значительно меньше людей. Если в конце XV в. население Российского государства составляло, по примерным подсчетам, около 2–3 млн. человек, то во Франции жило 14–15 млн. К середине XVII в. положение изменилось, но не намного: во Франции проживало порядка 16–18 млн. человек, а в России около 7 млн. Даже если взять более оптимистичные цифры Ц. Урланиса, который показывал для 1500 г. население Московии 5,8 млн. чел., а в 1650 г. – 11,3 млн. чел., или А.И. Копанева, который оценивал население России в середине XVI в. в 9–10 млн. человек, а на конец века в 11–12 млн., проживавших на территории 5,4 млн. км², все равно разница в численности населения и его плотности будет весьма и весьма значительной. Серьезным противником для России была и Турция. Османская империя в позднем Средневековье была одной из наиболее густонаселенных стран, непосредственно граничивших с Европой и Россией – по разным подсчетам, в течение XVI в. численность подданных султана выросла с 11–12 млн. до 22–25 млн. (или даже до 30–35 млн.) человек. В течение XVII в. ситуация стала иной, но по-прежнему не в пользу России – к исходу столетия во Франции, к примеру, проживало около 15 млн. чел, в Германии – 20, Испании – 10, тогда как во всем Российском государстве – 14 млн. [3, с. 190–191; 5, с. 93; 8, с. 118–119; 12, с. 235, 245; 14, с. 230; 18, с. 28; 20, с. 148].

То же самое можно сказать о природных богатствах России. По отношению к началу XVIII в. это не более чем миф. Для коренной России были характерны неплодородные почвы (черноземы Дикого поля в XVII в. еще только начали осваиваться), которые вкупе с суровым климатом и архаичной, примитивной агротехнологией давали урожаи в луч-

шем случае сам-2-3. Хорошо известно также, что на территории Северо-Восточной Руси не было крупных месторождений металлов, в особенности, цветных и драгоценных (последние вообще практически отсутствовали), да и качество руд было низким. Так, английский посланник в России Дж. Флетчер, описывая уровень развития экономики России во 2-й половине XVI в., указывал на преимущественно сельскохозяйственный характер товаров, поступающих на рынок – хлеб, меха, воск, сало, ворвань, пенька, мед, кожи, икра, лен, деготь. Говоря же о железоделательных промыслах, он отмечал, что «здесьнее железо несколько ломко, но его весьма много добывается в Карелии, Каргополе и Устюге Железном. Других руд нет в России» [27, с. 30–34]. На низкое качество отечественного железа указывал позднее и беглый московский подьячий Г. Котошихин [13, с. 129]. Даже пушной зверь – и тот в европейской России был похищен еще в XV–XVI вв., а иначе, зачем казаки и землепроходцы в погоне за ясаком прошли за меньше чем полстолетия всю Сибирь до Тихого океана, облагая ясаком в пользу «Белого царя» туземные народы? Много было леса, в том числе и строевого, но он пока еще не был слишком востребован на рынках Европы.

Бедность природными ресурсами, суровый климат, малочисленное, рассеянное по огромным просторам население и протяженные, практически не защищенные естественными препятствиями границы – все это ставило Россию в заведомо невыгодные позиции в сравнении с Западной Европой [см., напр.: 6; 16]. И в итоге, как справедливо отмечал С.М. Соловьев, для Западной Европы природа была матерью, а для Восточной Европы – мачехой [25, с. 8]. Не имея выхода к морям, к внешним источникам поступления драгоценных металлов, драгоценных камней, пряностей, московское правительство было вынуждено рассчитывать только на свои собственные силы.

Силы же эти были невелики. Невысокий уровень развития сельского хозяйства препятствовал быстрому развитию ремесла и торговли, становлению мануфактурной промышленности, росту городов как экономических, научных и культурных центров. Вынужденно экстенсивный характер разви-

тия сельского хозяйства и обусловленный фискальными и политическими причинами процесс постепенного полного закрепощения крестьян и прикрепления посадских людей к посадам отнюдь не способствовал образованию должного количества свободных рук и рынка наемного труда как одного из важнейших условий развития товарно-денежных отношений в стране и активизации процесса экономического роста. Отставание России в экономическом развитии неизбежно вело и к отставанию в развитии интеллектуальной сферы. Невысокий, в сравнении с передовыми странами Европы, уровень развития науки и техники был характерен для России на протяжении всего периода конца XV–XVII вв.

Невысокому уровню развития экономики и бедности, как страны, так и ее населения, соответствовала и бедность государства – казна постоянно была пуста, и даже если ее удавалось наполнить, то любая война моментально ее опустошала. Такое положение В.О. Ключевский метко охарактеризовал так: «Рать вконец заедала казну» [11, с. 200; ср.: 15, с. 157]. Внешних же источников финансирования, как то субсидии иностранных государств (как это было в случае Швеции, воевавшей на французские деньги) или займы, или результаты эксплуатации заморских колоний (как это было, к примеру, с Испанией в XVI в.) – не существовало.

Значение же заморских колоний показывает такой пример: между 1573 и 1598 гг. испанский король Филипп II получил из своих американских колоний свыше 50 млн. дукатов, но ему все равно их не хватило, поскольку активная внешняя политика и непрерывные войны, которые вела Испания, требовали денег намного, намного больше. Только война с голландцами в 90-х гг. XVI в. обходилась Филиппу в 9 млн. дукатов ежегодно [30, р. 9; 31, р. 175]. И это только один пример, относящийся к XVI в. Между тем, и в XVII, и в XVIII вв. тенденция роста государственных расходов не только сохранилась, но набрала новые обороты, и русские монархи, не обладая такими возможностями, заведомо оказывались в проигрышном положении.

Таким образом, имперские, «великодержавные» устремления наталкивались на

жесткие социально-экономические ограничения, которые в рамках тогдашнего общества преодолеть привычными методами не представлялось возможным. Следовательно, нужна была модернизация, которая позволила бы расширить эти узкие рамки. Российское общество конца XVII в. без нее не могло обойтись, и, как нам представляется, ни один здравомыслящий человек не будет отрицать этого и полагать, что, к примеру, раскольники были своего рода русскими протестантами и представляли реальную альтернативу тому курсу, который проводил Алексей Михайлович и его преемники. Вопрос упирается в другое: каким методами и в какие сроки осуществлять эту модернизацию. В принципе, мы согласны с мнением А.Б. Каменского, который писал, что «радикальная реформа стала для России конца XVII века насущной необходимостью, единственной возможностью выхода из кризиса», но у нас вызывает определенные сомнения его тезис, что эта радикальная, а не постепенная реформа выступал единственным средством «спасения государства» [9, с. 48].

Итак, в распоряжении имелось два возможных варианта: или постепенные социально-экономические и культурные преобразования, нацеленные, прежде всего, на развитие экономического базиса, культуры, просвещения в самом широком смысле, с одновременным усилением центральной власти и ее институтов (опробованные при предшественниках Петра Великого, на что и указывал Яков Долгорукий в своей сентенции); или же попытка совершить скачок «в светлое будущее» посредством тотальной мобилизации всех имеющихся ресурсов в интересах этой великой цели по принципу «Что хорошо для государства, то хорошо и для общества (т. е. для подданных)». По какому же сценарию должны были идти преобразования – по «мягкому» пути сочетания старины и новизны («модернизация без вестернизации» [29, с. 102]), или же через отрицание старины, коренную ломку традиций и обычаев?

Какой из указанных вариантов являлся оптимальным? Здесь все упирается в вопрос о сроках, которые были отведены Историей для России на модернизацию, было ли у нее в запасе даже не сто, а хотя бы пятьдесят лет или же нет? Ответа на это пока нет, и вряд ли

он появится в ближайшем будущем. Однако можно предположить, исходя из описанной выше ситуации, что все-таки подозревать великие державы конца XVII в. в том, что они собираются колонизировать Россию, не стоит – у них были несколько другие интересы и направленность. Да и слишком уж бедна была Россия на фоне других неевропейских стран Нового и Старого Света, на фоне Америк и обеих Индий, которые можно было подвергнуть колонизации и ограблению посредством неэквивалентного обмена. Полагать же, что таким колонизатором на рубеже XVII–XVIII вв. могли стать Речь Посполитая, пребывавшая со времен Хмельниччины и Потопа в перманентном кризисе, или же Швеция, было бы несколько наивно. Поэтому план Лейбница о «канализации» внешнеполитической активности великих держав в определенные регионы (для Швеции это Россия) оставался всего лишь досужими измышлениями немецкого философа. Если так, то получается, что у России было время для постепенных преобразований без надрыва, без безумной гонки за Европой, а, значит, и «модернизация без вестернизации» становилась вполне подходящим вариантом преобразований.

Однако Петр выбрал иной вариант, и этот вариант оказался успешным в ближней, но проигрышным в дальней перспективе. Почему? Попытаемся обосновать нашу точку зрения. Для начала цитата: «Петр, “революционер на троне”, сделав невероятно много для вхождения страны в систему западных государств, никакими “буржуазными преобразованиями” не занимался – он любыми способами укреплял военные силы абсолютистско-феодальной России и сделал это столь удачно, что на протяжении более чем столетия она смогла на равных участвовать в западных конфликтах» [19, с. 16].

Итак, Петр – революционер, который попытался ускорить ход развития России, заимствовав новейшие европейские достижения в области самых разнообразных технологий. Цель этих реформ вполне очевидна. Еще раз процитируем: «Тактику перенимания и избрал Петр, озаботившийся линией выбрать из Европы лучшее и импортировать его в Россию. Характер данного импорта позволяет квалифицировать петровы действия

как насильственную вестернизацию. Обнаруживая на западе передовые технологии – военные, административные, финансовые, бытовые – без соответствующей рефлексии гражданского статуса (проблема неорганичности – потенциальные отторгающие реакции, императивы культурной, гражданской среды) Петр инкорпорировал их в национальную почву. Трансплантация западных институтов без учета отечественных реалий – это и есть вестернизация, осуществляемая не как самоцель (случай Павла), а как получение имперских выгод. Главное – добиться превосходства, превзойти Европу...» [7, с. 32-33].

Из приведенной выше цитаты вполне очевидны как цель и способы петровских реформ, так и их коренное отличие от тех шагов по переменам, что имели место ранее, и разница в подходах к реформам. Еще Карамзин подметил, что есть разница между эволюционным путем реформ, который проводил Иван III, и внешне революционным путем Петра. Петр выбрал модернизацию как «вестернизацию», причем насильственную, будучи совершенно уверен в том, что он, и только он понимает, что лучше для русского народа.

Здесь необходимо сделать некоторое отступление от главной темы. Говоря о петровских реформах, необходимо отметить, что четкого и стройного плана преобразований у молодого царя не было. Приступая к их осуществлению, он руководствовался первоначально лишь тем опытом, который он накопил на первых порах своего самостоятельного правления и путешествия в Европу, а также первостепенными нуждами государства. Однако через все его преобразования четко проходит красной линией одна идея, ставшая ключевой в его деятельности. Эта идея, заимствованная Петром на Западе – идея «общего блага». Это «общее благо» должно было быть достигнуто силой человеческого разума и деятельности человека. Направлять же эту деятельность, по мнению западноевропейских мыслителей, должно было государство, а точнее – его персональное воплощение, «просвещенный» монарх, обладающий абсолютной властью и ответственный за свои деяния только перед Богом. «Просвещенность» же монарха была

залогом того, что он не будет употреблять свою власть во вред обществу.

По мнению Петра, он должен был стать именно таким монархом, который выведет Россию и русский народ из мрака невежества и дикости. Конечно, царь любил Россию и русский народ, но «странною любовью». Безусловно, сравнивая образ жизни европейцев и своих подданных, он не мог не обратить внимания на разительные отличия, и ему было обидно за себя и за своих подданных. Петру хотелось, чтобы его подданные были так же богаты и счастливы, как, например, голландцы или англичане, и он был убежден, что путь к такой жизни лежит через просвещение России. Себя же Петр считал учителем, который призван самим Богом, чтобы пролить свет знания на темных, косных и ленивых русских людей, толкать их к новой жизни, даже используя насилие. Царь так и писал в одном из своих указов, что русский народ «яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят...» [22, с. 150]. При этом Петр, судя по всему, совершенно искренне полагал, что Господь возложил на него труднейшую обязанность вывести Российское государство на дорогу европейской цивилизации, и что он должен личным примером показать своим подданным, как нужно трудиться и действовать, чтобы догнать европейцев и быть не хуже их. Однако царь был один, и он не мог быть одновременно во многих местах, и потому, чтобы личный пример монарха не остался втуне, Петр решил задействовать всю мощь государственного аппарата принуждения и контроля над подданными.

Для успешного решения поставленной задачи старый государственный аппарат уже не годился, и Петр приложил огромные усилия, чтобы из патриархального Московского государства построить современное полицейско-чиновническое государство, основанное на началах военной организации и дисциплины. Это государство должно было стать надежным инструментом для проведения в жизнь воли монарха. Последняя же выражалась в потоке многочисленных указов, законов и предписаний. О том, какой была жизнь подданного российского царя в таком государстве, метко выразился русский историк

М.М. Богословский: «Подданный не только был обязан нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе, как в жилище, построенном по указанному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указных местах лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки...» [2, с. 12-13]. Отсюда любовь Петра (и не только его, но и многих его преемников «мужеска пола», особенно Павла I, Александра I и Николая I) к армии как к государственному институту, в котором принцип регулярности, порядка и дисциплины доведен до абсолюта; и значительный рост числа чиновников в петровскую эпоху, которые были призваны следить за исполнением многочисленных указов государя; и стремление Петра поставить под контроль государства все области жизни не только общества в целом, но каждого отдельно взятого человека. И поскольку немалое количество подданных вовсе не желали быть осчастливлены таким образом, возникала необходимость в совершенствовании репрессивного аппарата, ибо, как полагал сам Петр, обращаясь к своим подданным: «Сами знаете, хотя часто добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают...» [22, с. 388]. Полагая подданных в массе своей дураками, в ответ на предложение фискала Генриха Фика ввести в систему местного управления некий выборный из крестьян орган местного самоуправления, подобный шведскому кирхшпилю, Петр отвечал ему через Сенат: «Кирхшпильфохту и из крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывают по указам из городов, а не от церквей; к тому ж и в уездах из крестьянства умных людей нет...» [4, с. 6].

Что получилось в итоге? Да, безусловно, Петр сумел ускорить развитие России, и прежде всего экономическое, образно говоря, пробудил ее недра, создал промышленность, открыл Россию внешним рынкам, действительно превратил Россию в важный фактор мировой политики, в великую державу, в империю, наконец. Но какой ценой? Процитируем: «Однако парадокс истории России при Петре I состоял в том, что ради оснаще-

ния своей регулярной армии он “прихватил” у Запада капиталистический в потенции технологический элемент – мануфактуру, сочетая ее все более и более не с “наемным трудом”, к чему шел Запад, а с трудом крепостных. Тем самым был предопределен целый ряд поражений, которые последуют полтора столетия спустя, когда крепостной мануфактуре придется соперничать уже с капиталистическим производством Запада <...>. Промышленное производство увеличилось – развитие капитализма замедлилось...» [19, с. 16]. Выходит, что не был Петр революционером на троне, а, скорее, консерватором, и если уж и дальше использовать революционную фразеологию, то контрреволюционером. Петровские реформы сами по себе носили крайне противоречивый характер. «Гигантской антиномией реформаторства Петра <...> является антиномия “свобода – рабство”. На одной стороне – логика территориального расширения государства, необходимость борьбы за суверенитет <...>, требующие перехода на социальный форсаж, взыскующие абсолютизма и централизма <...>. На другой стороне – логика модернизации жизни, опирающаяся на заимствование цивилизно достаточно лояльных достижений и новинок» [7, с. 35-36].

Именно так: антиномия «рабство – свобода». Стремясь создать великую державу, Петр попытался внедрить достижения европейских технологий, используя по максимуму созданную его предшественниками систему социальных отношений. И, по нашему мнению, петровская вестернизация носила весьма своеобразный, ярко выраженный консервативный характер. Она не столько изменяла, перестраивала Россию, сколько, меняя ее внешний вид, фасад, оставляла при этом неизменной внутреннюю сущность прежнего «служилого» государства, постепенно создававшегося на протяжении XV–XVII вв.

Говоря об этом «служилом» государстве, необходимо совершить еще один экскурс в историю. Как писал Ю.Г. Алексеев, «...в отличие от наиболее развитых стран Запада она (Северо-Восточная Русь – Т. П.) встала на путь централизации на другом, более раннем этапе развития феодальных отношений. На Руси во второй половине XV в. еще не только не сложился капиталистический уклад (как

в тюдоровской Англии), но и не было сколько-нибудь заметных ростков новых буржуазных отношений (как во Франции Людовика XI)...» [1, с. 4]. Традиционная для прежней отечественной историографии концепция возникновения единого абсолютистского государства, возникшего в результате развития новых буржуазных отношений и выхода на политическую авансцену «третьего» сословия, основанная на анализе исторического процесса во многих странах Западной Европы, в России XV–XVII и даже XVIII вв. явно не годится.

О бедности Русского государства и его народа мы уже говорили выше, а теперь коснемся невыгодного геостратегического положения России. Расположенная на краю Великой Степи, она постоянно испытывала давление кочевников. Будучи же страной православной, она подвергалась еще и давлению католического Запада, которое особенно стало ощутимым в годы европейской Контрреформации. В.О. Ключевский отмечал, что территориальное расширение Московского государства в XV–XVI вв. не только поставило его «в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси – шведами, литовцами, поляками, татарами», но «это соседство ставило государство в положение, которое делало его похожим на вооруженный лагерь, с трех сторон окруженный врагами» [11, с. 195]. Между тем, еще в начале XX в. русский военный теоретик и историк Н.П. Михневич подметил, что «войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных – всегда роковые» [17, с. 38].

Итак, Россия и ее народ на протяжении большей части своей истории были вынуждены вести напряженную борьбу за свое существование. К чему это должно было привести? Снова прибегнем к цитате: «Скудость ресурсов, связанная с отсталостью экономических отношений, при высоких государственных потребностях побуждала самодержавие проводить жесткую регламентацию общественной жизни. Государственные интересы в России всегда доминировали над общественными, иначе власть просто не смогла бы сконцентрировать в своих руках необходимые средства...» [10, с. 92]. Таким образом, для успешной борьбы за гегемонию в

Восточной Европе, для выживания в окружении мощных противников Московское государство должно было измениться внутренне, перестать быть похожим на вольную, свободную Киевскую Русь. «Нравится это кому-то или нет, но мобилизовать все силы нации и сконцентрировать их в нужном месте в нужный момент могла лишь сильная центральная власть, основанная на армейском принципе единоначалия», – отмечал А. Смирнов [24, с. 34]. Подданные московского царя инстинктивно чувствовали, что только могучий, грозный государь был способен содержать сильную армию, мог обеспечить внутреннюю и внешнюю «тишину», спокойствие, стабильность, необходимую для нормальной жизни общества. Все это не могло не привести к тому, что в итоге, как отмечал А.Н. Сахаров, «Русское централизованное государство появилось на свет в жестоком противоборстве с Ордой и Литвой как мощная милитаризованная организация, которая, решив внутри- и внешнеполитические задачи – объединение русских земель и свержение татаро-монгольского ига, сразу же приступила к восстановлению былой общности восточного славянства <...>. От обороны и борьбы за независимость Русское централизованное государство логично перешло к все более расширяющейся и ожесточающейся экспансии...» [23, с. 5]. Для сравнения, польско-литовская модель, в которой шляхетские вольности были своего рода «священной короной», оказалась несовместима с новейшими требованиями в политической и военной сфере. Русское «служилое» государство, сложившееся в позднем Средневековье, оказалось способно мобилизовать все скудные силы и ресурсы общества для решения общественно важной задачи – дать адекватный ответ на военный вызов со стороны и Запада, и Востока, тогда как польско-литовская правящая элита, бдительно охранявшая свои сословные вольности – нет [см.: 28, с. 395-397].

Это «служилое» государство смогло отразить татарскую угрозу и приступить к освоению Дикого поля (достаточно указать на постройку Белгородской и Изюмской черт, выдвинувших рубежи Русского государства далеко в степь и сделавших возможными походы значительных армейских группировок в Крым), отвоевало у Речи Посполитой не

только Северщину, Смоленщину, но и Левобережную Украину, и, более того, настолько подорвало силы польско-литовского государства, что при всем своем нежелании поляки были вынуждены отказаться от намерений отвоевать утраченные земли и признать Москву по меньшей мере равноправным партнером. К началу XVIII в. ситуация вокруг России изменилась, и «служилое» государство, как нам представляется, в основном выполнило свою историческую задачу. Оно обеспечило не только выживание русского общества и его культуры, образа жизни, но и постепенно подготовило условия для перехода на иные начала развития. На наш взгляд, XVII в., точнее, вторая его половина, не случайно стал «бунташным» – общество почувствовало инстинктивно, что «пора и послабление дать, прибавить воли». Самые тяжелые времена остались позади и можно было приступить к изменению сложившейся модели, тем более что еще не поздно было повернуть в ином направлении – элементы иного порядка общественного устройства (взять хотя бы те же самые Земские соборы или незавершенность формирования того же крепостного права, во всяком случае, в 1-й половине XVII в.) еще существовали.

Однако этого не случилось. «Сслужилое» государство и общество, привыкшее к тому, чтобы служить, каждый на своем месте – царь на троне, бояре в думе, служилые люди в приказах или в поле с саблей или мушкетом в руках, купцы за прилавком, крестьяне в поле, ремесленники в мастерской, попы в церкви, монахи в монастыре, – общество и государство, которым была непонятна идея свободы и прав человека, ибо она и не могла зародиться там, где постоянно шла борьба за выживание, попали в руки Петра. Царь-реформатор получил уникальный инструмент осуществления своих замыслов и общество, привыкшее повиноваться верховной власти, в которой оно видело своего защитника и в определенной мере спасителя, хранителя традиционных ценностей. И этот уникальный механизм, способный мобилизовать все силы и ресурсы общества на решение значимых (или кажущихся таковыми) задач царь и направил на модернизацию-вестернизацию. Поставив сверхзадачу, исходя из того, что Россия вот-вот может рухнуть под натиском

более мощных противников, Петр решил использовать попавший ему в руки «административный» ресурс и сделал это сполна. Он до предела выжал все, что можно было, из этого «служилого» государства, а успех в Северной войне снял проблему оправданности жертв – победителей, как известно, не судят. Сам же успех в войне вроде бы показал, что созданный, точнее, модернизированный, «вестернизированный» Петром механизм «служилого» государства не просто эффективен, но идеален и потому может и дальше работать без особых изменений.

Но сумел ли Петр добиться той цели, к которой он стремился – достиг ли он «общего блага»? «Народ безмолвствует, но счастливы ли народ?» Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным: тот самый народ, ради которого, в идеале, и затевались все эти реформы – народ счастлив не был! «Единоборство со Швецией <...> потребовало гигантского напряжения сил нации. При уменьшении на 7–15 % окончательно закрепощенного податного сословия страны (данные историков здесь расходятся) происходит трехкратное увеличение податей и доходов государства (примерно с 3 млн. рублей в 1710 г. до 10 млн. рублей в 1727 г.); две трети, иногда четыре пятых доходов уходят на войну. Десятки тысяч бывших крестьян гибнут теперь в баталиях Петра, при возведении северной столицы, работая в мануфактурах и на рудниках. Жесточайшему регламентированию подвергается деятельность купцов и предпринимателей. поголовно мобилизуется Петром на военную и административную службу дворянство, для чего вводится принудительное обучение всех дворянских отпрысков. Знаменитым “табелем о рангах” заново регламентируется – уже не по “роду”, а по заслугам – сословная значимость дворян. Невиданное развитие получает государственная бюрократия, опутывающая всю страну системой “сыска” и деспотической “опеки”...» [19, с. 15]. И, в общем, есть все основания согласиться с мнением авторов работы, из которой была взята предыдущая цитата: «Говорить о том, что Петр Великий заботился об “общем благе” подданных, конечно же, не приходится. Но он самыми беспощадными и варварскими методами обеспечивал “государственный интерес”» [19, с. 14]. Трудно не согласиться с мнением А.Б. Каменско-

го, отмечавшего, что «в результате реформ Петра степень несвободы русского дворянства, как и других социальных слоев русского общества, резко возросла. Дворянин или не дворянин, вне зависимости от наличия или отсутствия каких-либо привилегий, каждый житель империи должен был исполнять свою строго определенную функцию, состоящую в служении государству, вносить свой вклад в приумножение его богатства и могущества. Понятие “благо государства” совместились с понятием “общего блага” и стало высшей ценностью, перед которой отдельная человеческая жизнь не стоила ничего...» [9, с. 127].

Вне всякого сомнения, крутые, крайне расточительные и жестокие методы преобразований, во главу которых были поставлены интересы государства, привели к фактическому уничтожению тех ростков нового буржуазного общества, которые начали возникать на протяжении XVII в. «В качестве способа перевода России на интенсивное развитие была выбрана очень жесткая технология сверхэксплуатации народа. Ущемление прав, свобод (до петровских реформ простой народ, да и служилые люди были более свободны, чем после Петра – Т. П.), благосостояния оправдывалось чрезвычайщиной, в качестве итога давая не подъем уровня жизни, а увеличение статей казенного дохода. На примере преобразований Ивана IV (правда, с этим можно и нужно, по нашему мнению, поспорить – Т. П.) и Петра I убеждаешься: реформы в России обслуживают государево, а не народное дело» [7, с. 34].

Таким образом, подводя общий итог, отметим, что, на наш взгляд, цена успеха оказалась слишком велика. Придав России толчок посредством удара своей знаменитой дубины, Петр не сумел сделать самого главного – создать и запустить механизм внутреннего саморазвития России, ее экономики и, самое главное, общества. Еще раз процитируем: «Царизму, обладавшему огромными возможностями проникновения в стихийный процесс экономического развития, перераспределения его ресурсов и плодов, не удалось превратить процесс внедрения и роста “верхушек” капитализма в фактор, преобразующий всю систему общественных отношений. Более того, конфликт буржуазного развития с крепостничеством

превращался в конфликт внутри первого, в столкновение разных вариантов самого капитализма, а позже – в 1917 году, в конфликт разных форм и средств приобщения к европейской цивилизации...» [17, с. 17]. При этом, насаждая в России новый порядок, Петр, подчеркнем это еще раз, не только не революционизировал общественные отношения, а законсервировал их наиболее архаичные, отсталые формы, и прежде всего крепостничество. Добавим к этому и упоминавшийся неоднократно раскол общества на европеизированную правящую элиту, образно говоря, «малый народ», и оставшуюся прозябать во мраке невежества основную массу населения – раскол, последствия которого не преодолены и по сей день.

Но и это еще не все. Сделав опору на служилых людей, Петр способствовал их сплочению, осознанию ими своей значимости, началу превращения ранее разрозненных страт служилых чинов сперва в шляхетство, а затем и в «благородное российское дворянство». Осознав себя как мощную политическую силу (а этому способствовала эпоха дворцовых переворотов, начало которой также положил Петр), оно не без оснований видело в крепостничестве основу своей власти и господствующего положения в обществе. А поскольку, за неимением других сил, государство не могло опереться ни на кого, кроме как на дворянство, то их судьбы оказались теснейшим образом связаны. Отменить крепостное право вопреки воле дворянства государство не могло, но и жить с ним становилось чем дальше, тем рискованнее. К началу XIX в. наиболее дальновидным представителям правящей верхушки стала очевидной опасность дальнейшего сохранения «служилого» государства, которое приобрело несколько странный характер – главное служилое сословие добилось абсолютной свободы от службы, тогда как степень несвободы остальных еще более возросла. Необходимость реформ стала еще более настоятельна, чем когда бы то ни было. Однако война 1812 г. и победа над Наполеоном способствовали своего рода «головокружению от успехов». В самом деле, если мы одолели Наполеона, следовательно, нет причин для беспокойства и для реформ – от добра добра не ищут. В

итоге преобразования оказались отложены еще на полстолетия, и носили вынуждено компромиссный характер.

Эта компромиссность, не удовлетворившая в конечном итоге никого, к концу XIX в. потребовала очередного витка реформ. Однако правящая верхушка, и прежде всего, сам император Николай II, оказались не способны к радикальным преобразованиям. Созданная Петром машина не смогла вовремя перестроиться, развернуться в новом направлении. Итог хорошо известен – три революции и крушение старого режима. Из всех оценок деятельности Петра Великого нам представляется одной из наиболее взвешенных и точных та, которая дана была мастером в такого рода делах В.О. Ключевским. Великий русский историк писал, что «противоречия, в какие он поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решительностью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жестокости, от которых он не умел воздержаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуманные с творческой чуткостью и проведенные с беспримерной энергией, наконец, успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа и великими усилиями преобразователя, – столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ. Преобладание света или тени во впечатлении изучающего вызывало одностороннюю хвалу или одностороннее порицание, и порицание напрашивалось тем настойчивее, что и благотворные деяния совершались с отталкивающим насильем. Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самостоятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самостоятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная...» [11, с. 203].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев, Ю.Г. Под знаменами Москвы. М.: Мысль, 1992. 268 с.
2. Богословский, М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинции 1719-1727. М., 1902. 565 с.
3. Вернадский, Г.В. Россия в средние века. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. 352 с.
4. Воскресенский, Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 646 с.
5. Горская, Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма. М.: Наука, 1994. 154 с.
6. Дулов, А.В. Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 256 с.
7. Ильин, В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во МГУ, 1996. 384 с.
8. История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в). М.: Наука, 1993. 656 с.
9. Каменский, А.Б. Российская империя в XVIII в.: традиция и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 328 с.
10. Карпачев, М.Д. «Каким был народ, таким было и государство». Материалы круглого стола «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза» // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43-93.
11. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Ч. III // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. III. М.: Мысль, 1988. 414 с.
12. Копанев, А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. № 64. 1959. С. 233-254.
13. Котошихин, Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
14. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
15. Мейерберг, А. Путешествие в Россию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утвержде-
- ние династии. М.: Фонд Алексея Дубова – РИТА-ПРИНТ, 1997. С. 43-184.
16. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
17. Михневич, Н.П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898. 180 с.
18. Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М: Международные отношения, 1990. 446 с.
19. Плимак, Е.Г., Пантин, И.К. Драма российских реформ и революций. М.: Весь Мир, 2000. 360 с.
20. Петросян, Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 416 с.
21. Погодин, М.Н. Петр Великий // Погодин М.Н. Историко-критические отрывки. Т. I. М., 1846. 463 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 7. СПб., 1830. 933 с.
23. Сахаров, А.Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Отечественная история. 2000. № 5. С. 3-38.
24. Смирнов, А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34-38.
25. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VII. М.: Мысль, 1991. 701 с.
26. Татищев, В.Н. Собрание сочинений. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М.: Ладомир, 1994. 500 с.
27. Флетчер, Дж. О государстве русском // Прозжая по Московии. (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991. С. 25-138.
28. Флоря, Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.
29. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
30. Anderson, M.S. The Origins of the Modern European State System 1494-1618. L.: Longman, 1998. 318 p.
31. Tallett, F. War and Society in Early Modern Europe 1495-1715. L.: Routledge, 1992. 336 p.

REFERENCES:

1. Alekseev, Yu.G. *Under the Banners of Moscow*. Moscow: Mysl', 1992. 268 p.
2. Bogoslovsky, M.M. *The Regional Reform of Peter the Great. Provinces 1719-1727*. Moscow, 1902. 565 p.
3. Vernadskiy, G.V. *Russia in the Middle Ages*. Tver': LEAN; Moscow: AGRAF, 1997. 352 p.
4. Voskresensky, N.A. *The Legislative Acts of Peter I*. Vol. 1. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy, 1945. 646 p.
5. Gorskaya, N.A. *Historical Demography of Russian Feudalism*. Moscow: Nauka, 1994. 154 p.
6. Dulov, A.V. *Geographical Environment and Russian History*. End of XV – Mid. of the Nineteenth Century. Moscow: Nauka, 1983. 256 p.
7. Il'in, V.V., Panarin, A.S. and Akhiezer, A.S. *Reforms and Counter-reforms in Russia*. Moscow: Moscow University Press, 1996. 384 p.
8. *The History of Europe*. Vol. 3. From the Middle Ages to Modern Times (the End XVth – the First Half of the XVIIth Century). Moscow: Nauka, 1993. 656 p.
9. Kamensky, A.B. *Russian Empire in the XVIIIth Century: Tradition and Modernization*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 328 p.
10. Karpachev, M.D. "What Were the People, So Was the State" Materials of the Round Table "Russian Old Order: the Experience of Historical Synthesis". *Otechestvennaya istoriya*. № 6. 2000. Pp. 43-93.
11. Klyuchevskii, V.O. *The Course of Russian History*. Part III. *Works in Nine Volumes*. Vol. III. Moscow: Mysl', 1988. 414 p.
12. Kopanev, A.I. The Population of the Russian State in the XVIth Century. *Istoricheskie zapiski*. № 64. 1959. Pp. 233-254.
13. Kotoshikhin, G.K. *Russia in the Reign of Alexei Mikhailovich*. Moscow: ROSSPEN, 2000. 272 p.
14. Le Goff, Zh. *The Civilization of the Medieval West*. Moscow: Progress, Progress-Akademiya, 1992. 376 p.
15. Meyerberg, A. A Trip to Russia of Baron Augustin Meyerberg, a Member of the Board of the Imperial Court, and Horace William Kalvuchchi, the Holder and Member of the Council of Government of Lower Austria, Ambassadors of August Roman Emperor Leopold to the King and Grand Duke Alexei Mikhailovich in 1661, Described by Baron Meyerberg. *Approval of a dynasty*. Moscow: Alexei Dubov Fund – RITA-PRINT, 1997. Pp. 43-184.
16. Milov, L.V. *The Great Russian Plowman and Features of the Historical Process*. Moscow: ROSSPEN, 2001. 576 p.
17. Mikhnevich, N.P. *The Fundamentals of Russian Military Art. A Comparative Essay on the State of the Art of War in Russia and Western Europe, the Most Important Historical Periods*. St. Petersburg, 1898. 180 p.
18. Molchanov, N.N. *Diplomacy of Peter the Great*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 446 p.
19. Plimak, E.G. and Pantin, I.K. *Drama of Russian Reforms and Revolutions*. Moscow: Ves' Mir, 2000. 360 p.
20. Petrosyan, Yu.A. *The Ottoman Empire: the Power and Destruction*. Moscow: Publishing House Eksmo, 2003. 416 p.
21. Pogodin, M.N. Petr Velikij. *Historical and Critical Passages*. Vol. I. Moscow, 1846. 463 p.
22. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. The First Meeting. Vol. 7. St. Petersburg, 1830. 933 p.
23. Saharov, A.N. The Constitutional Draft and Civilizational Destiny of Russia. *Otechestvennaya istoriya*. № 5. 2000. Pp. 3-38.
24. Smirnov, A. The State of a Fighting Nation. *Rodina*. № 9. 1994. Pp. 34-38.
25. Solov'ev, S.M. *History of Russia Since Ancient Times*. Vol. 13. *Collected Edition of Eighteen Books*. Book VII. Moscow: Mysl', 1991. 701 p.
26. Tatischev, V.N. *Collected Edition*. Vol. 1. *History of Russia*. Part 1. Moscow: Lodomir, 1994. 500 p.
27. Fletcher, J. On the Russian State. *Passing Muscovy. (Russia of XVI-XVII Centuries Through the Eyes of Diplomats)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. Pp. 25-138.
28. Florea, B.N. *Ivan the Terrible*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003. 403 p.
29. Huntington, S. *The Clash of Civilizations*. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 p.
30. Anderson, M.S. *The Origins of the Modern European State System 1494-1618*. L.: Longman, 1998. 318 p.
31. Tallett, F. *War and Society in Early Modern Europe 1495-1715*. L.: Routledge, 1992. 336 p.